

2. Historical Association Survey of History in Schools in England 2014. URL: <http://www.history.org.uk/index.php> (дата обращения: 11.02.2015)
3. Carter review of initial teacher training (ITT). URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/399957/Carter_Review.pdf (дата обращения: 11.02.2015)
4. School-led teacher training. URL: <http://www.education.gov.uk/get-into-teaching/teacher-training-options/school-based-training> (дата обращения: 7.02.2015).
5. TeachFirst. URL: <http://www.teachfirst.org.uk/> (дата обращения: 11.02.2015)
6. Universities are still best place to train teachers, report says. URL: <http://www.theguardian.com/education/2014/jan/14/universities-best-place-to-train-teachers-report-says> (дата обращения: 11.02.2015)

УДК 930(470.5)

ББК ТЗ(235.55)

ГСНТИ 14.07.01

Код ВАК 07.00.02

И.В. Побережников

Екатеринбург

**УРАЛЬСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ШКОЛА: РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ
МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: школа, теория, методология, модернизация, региональный подход, диффузия, цивилизация, многоуровневый подход, акторный подход

АННОТАЦИЯ: Проблематика российских модернизаций занимает ключевое место в исследованиях уральской академической школы историков, лидером которой является академик В.В. Алексеев. При этом теоретико-методологическое обновление, поиск новых теоретических подходов и моделей всегда выступали важнейшим фактором расширения горизонта тематических исследований российских модернизаций, выбора новых сюжетов, переосмысления уже полученных результатов. К числу наиболее важных теоретико-методологических достижений уральских историков следует отнести исследования региональных аспектов модернизации,

¹ Статья подготовлена при содействии гранта Президента Российской Федерации по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (Проект: НШ-3422.2014.6)

многоуровневый подход при изучении модернизации, анализ модернизационных трансформаций в контексте российской цивилизации.

I.V. Poberezhnikov

Yekaterinburg

**THE URAL ACADEMIC HISTORICAL SCHOOL:
DEVELOPMENT OF TEORETIKO-METHODOLOGICAL
FRAME OF MODERNIZATION INVESTIGATION**

KEY WORDS: School, theory, methodology, modernization, regional approach, diffusion, civilization, multilevel approach, actor' approach

ABSTRACT: The problematics of the Russian modernizations takes a key place in investigations of the Ural academic school of the historians which leader academician V.V. Alekseev is. Thus teoretiko-methodological updating, search of new theoretical approaches and models always acted as the major factor of expansion of horizon of thematic researches of the Russian modernizations, a choice of new plots, reconsiderations of already received results. Most important teoretiko-methodological investigations of the Ural historians are researches of regional aspects of modernization, multilevel approach at modernisation studying, analysis of modernization transformations in a context of the Russian civilisation.

За четверть века, с конца 1980-х гг., на Урале, на базе Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, выросла под руководством академика В.В. Алексева авторитетная академическая школа историков, получившая международное признание (1. С. 4—15; 2. С. 7—16). Основные направления научного поиска уральской академической школы были заданы изначально сформулированными ее лидером В.В. Алексеевым идеями ретроспективной оценки прошлого с учетом вызовов настоящего, сопоставления фактических и альтернативных вариантов исторической динамики с последующими траекториями развития, постоянного соотнесения региональных, страновых и глобальных тенденций развития. Научные исследования школы охватили основные аспекты истории России/СССР, которые освещались в широком компаративном контексте на основе как теоретического, так и фактического осмысления важнейших процессов и событий.

Теоретико-методологические подходы представителей академической школы историков оказались особенно плодотворными в исследовании процессов модернизации. Вообще модернизационный подход (мультидисциплинарные теории модернизации), возникший в

середине XX в. под влиянием веры в прогресс и универсальные законы, регулирующие развитие разнообразных обществ, внес существенный вклад в освоение проблематики развития (31; 32; 33; 34; 28). Именно проблемы развития, перехода от традиционности к современности оказались в исследовательском фокусе представителей данного направления, которые проводили анализ преимущественно на страновом уровне, оперировали такими переменными, как культурные ценности и социальные институты, и использовали в качестве ключевых понятия традиция и современность.

Теоретические основы модернизационного подхода были разработаны в рамках эволюционизма, структурного функционализма, веберовской традиции (20. С. 70—77). Такой разнообразный и богатый теоретический фундамент создавал предпосылки для развития, совершенствования, оптимизации модернизационного подхода в будущем за счет возможной перестановки акцентов, реконfigurирования элементов теоретического базиса в ответ на вызовы реальности и потребности самих социальных и гуманитарных наук, склонных к постоянному обновлению. Действительно, модернизационный подход не застыл, не превратился в догматическое учение; напротив, он обнаружил значительный творческий потенциал, склонность к обновлению, открытость по отношению к критическим и конкурирующим теоретическим перспективам, что отразилось и в творчестве уральских академических исследователей.

Уральскими историками было предложено определение модернизации как всеобъемлющего процесса инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному, индустриальному обществу (6. С. 88). Подобное определение, в целом правильное, было принято многими историками.

В программных трудах, составивших основу уральской школы, по сути впервые в отечественной историографии была поставлена проблема взаимодействия модернизации и региональной динамики (6). Модернизация и региональное развитие рассматривались как два фундаментальных процесса, в значительной мере определивших облик современного мира, в том числе и российского общества. Была установлена глубокая взаимосвязь процессов модернизации и регионального развития, несмотря на то, что теоретически процессы модернизации и регионализации следовало, вроде бы, рассматривать как разновекторные. Присущие самой модернизации и процессам, ее

составляющим, неравномерность и разноскоростность приводили к неравномерности регионального развития, к постоянному историческому «пересмотру» роли территориальных сегментов в региональной структуре общества. А столь же характерная для модернизации тенденция к политико-административной и этнокультурной унификации и систематизации на самом деле приводила к росту региональных противоречий. Идеи выравнивания уровней регионального развития и рационального размещения производительных сил, вошедшие в качестве важнейших составляющих в советский проект модернизации, не дали заметных позитивных результатов. Региональная неравномерность, с которой боролись Госплан и другие структуры, объективно присутствовала и в советской модели модернизации. Причины данного явления следует искать как в особенностях геополитического положения страны, исторического, социокультурного, институционально-имперского и командно-административного наследия, так и в природе самой модернизации.

Полученные в ходе анализа результаты позволяли утверждать, что даже в пределах одной страны и одного региона ритмы subprocessов модернизации не совпадали, модернизация протекала неравномерно, в различной степени охватывая экономические и социальные сегменты общества, территориальные единицы. Это обычно приводило к серьезным противоречиям и конфликтам между отраслями производства, социальными слоями, территориальными сообществами и, конечно же, накладывало отпечаток на характер модернизации в целом и на ее темпы в частности.

В конце 1990-х гг. уральские историки обратились к теоретическому опыту немодернизационной версии парадигмы модернизации, которая сама возникла в 1980—1990-е как ответ на нарастание сложности реальных модернизационных процессов, совершенствование теоретического оснащения гуманитарных наук (7. С. 8—32; 8, с. 8—49; 16. С. 16—25; 17. С. 105—121; 18. С. 217—246). Неомодернизационный анализ, созданный Э. Тириакином, П. Штомпой, В. Цапфом, К. Мюллером, Р. Робертсоном и др. в результате своего рода теоретического синтеза классических моделей с деятельностными подходами, характеризовался меньшей абстрактностью, большей эластичностью по отношению к изучаемой реальности, акцентированным вниманием к акторно-деятельностным

аспектам развития. Неомодернизационный подход дистанцировался от эволюционистского телеологизма, фокусируя внимание не на анонимные законы эволюции, а на роль социальных акторов (коллективов и индивидов), противопоставлял трактовке модернизации как единого процесса системной трансформации признание возможности различного поведения социальных групп в условиях модернизации, включал в теоретическую модель фактор исторической случайности и признание циклической природы процесса модернизации и др.

Новый теоретический подход отчасти нашел воплощение в монографии «Опыт российских модернизаций» (14). Авторы монографии дали критический обзор модернизационной парадигмы (В.В. Алексеев, И.В. Побережников); проанализировали процессы модернизации на общероссийском уровне (В.В. Алексеев, И.В. Побережников, А.С. Сенявский, О.Л. Лейбович); предприняли попытку сопоставить динамики модернизации и регионального развития (К.И. Зубков, В.В. Алексеев, И.В. Побережников); исследовали основные субпроцессы модернизации – индустриализацию, урбанизацию, формирование городского образа жизни — на материале уральского региона (А.Э. Бедель, В.Г. Железкин, К.И. Зубков, С.П. Постников, С.В. Воробьев, О.Л. Лейбович, Л.Н. Мартюшов, А.Г. Оруджиева, О.Н. Яхно).

Удалось показать существенную роль естественно-географических условий в процессе модернизации России. Саму возможность политики модернизации страны авторы книги связывали с исключительными естественно-природными факторами и резервами экстенсивного роста экономики. Авторы книги подчеркнули, что модернизация не может описываться в соответствии с «классическим» каноном как телеологический процесс гомогенизации и одновариантного распространения наиболее передовых институциональных и технологических форм. Так, например, в ходе раннеиндустриальной модернизации на протяжении второй половины XIX в. наблюдался непрерывный рост «протоиндустриальной промышленности» — мелких промысловых кустарно-ремесленных заведений, опровергающий представление о модернизации как процессе нивелировки производственных систем, выравнивания их по стандарту «индустриального капитализма».

На основе неомодернизационной версии модернизационной парадигмы была разработана фигурационная модель изучения модернизации, акцентированная на пространственную и темпоральную вариативность модернизаций; на взаимосвязанность страновых вариантов модернизации (своеобразные сплетения, фигурации); признание действенности как эндогенных (экологических, институциональных, социокультурных и др.), так и экзогенных факторов модернизаций (диффузии идей, технологий, организационных моделей; демонстрационных эффектов; конкуренции; обоюдных влияний и трансформаций) (20; 23. С. 42—52). Данный подход многомерен, чувствителен как к эндогенным факторам и механизмам, так и к экзогенным, учитывает: 1) действие механизма структурно-функциональной дифференциации, обоснованного Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, Н. Смелзером, что находит выражение в процессах индустриализации, урбанизации, бюрократизации, образовательной революции, формирования гражданского общества и т.д.; 2) воздействие институтов, созданных предшествующими поколениями, на дальнейший ход развития (траекторная зависимость или зависимость от предшествующего маршрута развития, программирующая в действительности разновекторный характер страновых вариантов модернизаций); 3) социальные конфигурации, которые складываются между социальными силами, классами, стратами, определяют лидерство – и оказывают существенное влияние на выбор тех или иных инструментов преобразований, в частности, реформистских или революционных; 4) роль диффузии, то есть механизма распространения инноваций, в том числе их импорта в определенное общество извне, как важнейшего механизма модернизации и одновременно дифференцирующего фактора.

Диффузионистский подход, который ученые уральской академической школы применяют с начала 2000-х, позволил представить историю России как череду модернизаций под воздействием приходящих с разных сторон диффузионных волн (наиболее серьезные исследования проведены Е.В. Алексеевой и С.А. Нефедовым). Вообще диффузию, то есть распространение артефактов, технологий, практик, институтов, идей, следует считать универсальным механизмом не только социального развития, но и самого существования и функционирования общества. В ее основе

лежит естественная способность человека подражать, действовать по образцам. Уже проведенные исследования свидетельствуют о значимости диффузии инноваций в контексте российских модернизаций как на страновом, так и на региональном уровнях (9; 26; 10; 13).

Применяя парадигму модернизации к аграрной истории России, уральский историк Г.Е. Корнилов разработал концепцию аграрного перехода (11. С. 4–14; 12. С. 607—620). Согласно этой концепции, процессы модернизации определяли все сферы жизни деревни в конце XIX – начале XXI вв. Направления, темпы и формы составляющих компонентов аграрного перехода зависели и корректировались конкретно-исторической обстановкой. Аграрный переход, по мнению автора, включал экономическую, демографическую, политическую, правовую, культурную, социальную, селитебную трансформации. Выявлены три фазы аграрного перехода в российской деревне: конец XIX – середина XX в.; середина XX в. – конец 1980-х гг.; начало 1990-х гг. – начало 2000-х гг., – направления и формы проявления которых были обусловлены исторической обстановкой, борьбой конструктивных и деструктивных элементов.

На основе синтеза модернизационной и цивилизационной парадигмы в конце 2000-х был сформулирован теоретико-методологический подход, легший в основу комплексного изучения модернизаций в контексте цивилизационной динамики России XVIII—XX вв. В итоге были определены базовые параметры российской цивилизации, выявлены универсальные и цивилизационно-специфические параметры российских модернизаций, основные принципы функционирования, доминанты и этапы эволюции Российской цивилизации, установлены каналы и глубина воздействия цивилизационных структур на динамику, темпы и характер модернизации, а также, наоборот, влияние модернизации на культурно-цивилизационный облик России, определено соотношение эволюционных и революционных механизмов на разных стадиях модернизации. Установлено, что на протяжении времени (имперский период) модернизация осуществлялась на основе эволюционных методов, обеспечивших protoиндустриализацию, начальную стадию раннеиндустриальной модернизации. Революционные инструменты широко применялись на протяжении XX столетия, когда действительно был завершен переход к

индустриальному обществу, правда ценой фактической гибели российской деревни. Катастрофизм трансформаций XX в. объясняется затянутостью предшествующего эволюционного периода, приведшего в результате к взрывному революционному столетию с его поспешностью, низким качеством процесса и трагедией народа (29; 30).

Цивилизационные структуры в определенном смысле можно рассматривать в качестве внешних факторов по отношению к процессам модернизации в той или иной стране. Цивилизационные контексты в чем-то ограничивают динамику модернизации, придают ей своеобразные социокультурный облик, «выстраивают» своеобразную цивилизационную колею, вмещающую модернизационные преобразования. В этом плане интересные результаты были получены в ходе исследования акад. В.В. Алексеевым российской цивилизации в модернизационную эпоху. Оказалось, что, несмотря на кардинальные изменения, цивилизационная «решетка» России во многом сохранила свое внутреннее содержание при некоторой модификации формы, что доказывало устойчивость цивилизационных основ, которые «прорастают» даже сквозь «потoki» модернизации (3. С. 191–228; 4. С. 4–14; 5. С. 59–95).

Была обоснована необходимость самостоятельного анализа процессов модернизации на различных общественных уровнях и установления соответствия (также как и несоответствия, расстыковки) между ними, что обусловлено как неоднородностью, дискретностью исторической реальности (и невозможностью, соответственно, буквально переносить выводы, касающиеся одного уровня, на другой), так и многоплановым, многомерным характером модернизации. В итоге были идентифицированы факторы вариации процессов модернизации на различных уровнях. На мир-системном уровне ключевое значение имеет взаимосвязанность динамик развития различных обществ. На цивилизационном уровне в качестве дифференцирующих факторов выступают цивилизационно-культурные контексты, фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, накладывающие отпечаток на цивилизационную динамику, в том числе модернизационную. Дифференциация страновых вариантов модернизации обусловлена особенностями географического положения, исторического опыта

стран, их размерами, временем вступления страны в модернизационную гонку, выбором стратегии развития. Необходимость исследования модернизации на региональном уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов. Потребность же в локальных исследованиях модернизации (в многочисленных районах, поселениях, в жизни отдельных людей) объясняется тем, что именно микроуровень порождает макроисторию, поскольку историческая динамика обеспечивается многочисленными действиями людей; их выборы и стратегии способствуют формированию новых социальных структур, обуславливая, таким образом, и своеобразие рисунка становящегося современного общества, подчеркивая его национальную специфику (15). Опора на многоуровневый подход дала возможность по новому взглянуть на модернизационные процессы в России, получить новые научные данные о динамике и темпах индустриализации, урбанизации, профессионализации, формировании сферы гражданской деятельности в общероссийском, региональном и локальном преломлении, о восприятии данных процессов различными социокультурными группами, о реальных механизмах функционирования институтов.

Представители уральской академической школы изначально представляли, что без основательного изучения пространственных характеристик невозможно получить целостное и адекватное представление о модернизационном переходе. Попытки исследования региональной компоненты модернизации не прекращались и привели к разработке особого регионально-ориентированного модернизационного подхода, предполагающего отказ от односторонней линейной трактовки модернизации; признание вариативного, неоднозначного характера взаимодействия традиции и модернизации; принятие возможности длительного некомплексного развертывания модернизационного процесса не только в социальном, но и в пространственном плане; признание возможности вариативного поведения территориальных единиц (регионов и субрегионов) в процессе модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика) (19. С. 20—27; 27). Данная модель, в отличие от подходов, применявшихся в рамках прежних модернизационных исследований, отличается большей гибкостью и

эластичностью по отношению к изучаемой реальности, временным и пространственным ее измерениям; она более продуктивна при изучении субстрановой (региональной, субрегиональной) динамики модернизации, поскольку не требует рассматривать общество как однородное единое целое (монолит), функционирующее по одним и тем же схемам в любой точке своего пространства и временной протяженности. Напротив, она позволяет рассматривать общество как реальное, живое, неоднородное, вариативно (в том числе и в пространственном плане) реагирующее на вызовы современности.

Применение регионально-ориентированного подхода при изучении модернизации позволило сформулировать концепцию фронтальной модернизации применительно к тем регионам, в которых модернизация осуществлялась в условиях незавершенного освоения. Подобные ситуации были характерны для стран фронта, которые продолжали осваиваться в современную эпоху. К числу таких стран можно отнести Россию, США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Крайние регионы России могут рассматриваться в качестве вариантов фронтальной модернизации в XVIII — начале XX в. К числу особенностей фронтальной модели модернизации (на примере восточных регионов России XVIII — начала XX в.) можно отнести большую подвижность населения, сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особую роль военного элемента, усиление гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливое переплетение традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формирование анклавно-конгломератной пространственной структуры (22. С. 308—310; 24. С. 246—274).

Одной из ключевых предпосылок успешной реализации модернизационного проекта является наличие в современном российском обществе действующих субъектов, способных выступить акторами модернизации. Но на вопрос об их присутствии и локализации дается множество ответов: от утверждений, что модернизация в России невозможна за отсутствием субъектов модернизации до признания в качестве возможных акторов модернизации, например, среднего класса или госслужащих. Необходимо при этом отметить, что до сих пор в отечественной исторической литературе модернизация изучалась преимущественно на страновом (или региональном) макроуровне в формате

осуществления модернизационных субпроцессов (индустриализации, урбанизации, демографической революции, бюрократизации, демократизации, рационализации, профессионализации, образовательной революции). В подобных исследованиях модернизация обыкновенно превращалась в автоматический процесс, направляемый анонимными закономерностями и дирижируемый государством как почти единственным модернизационным актором. В этой связи высокую актуальность приобретает вопрос об адекватных методологических схемах исторического анализа формирования акторов модернизации, эволюции акторных структур, модернизационных стратегий акторов, исторического опыта формирования социальных статусов и идентичностей различных акторных групп, а также выработки технологий увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способов их преобразования в реальные современные возможности. Подобная работа только началась (25. С. 31—41).

Перспективным представляется сфокусироваться на определении роли институционально-организационных и социальных акторов (гражданские и территориально-отраслевые административно-бюрократические структуры, органы самоуправления, предприниматели, профессиональные группы и сообщества, иностранные специалисты, интеллигенция и т.д.) в обеспечении динамики и характера российской модернизации, их вклада в формирование институционально-политического, социально-экономического и культурно-символического облика модернизации. Новизна предлагаемого подхода заключается в его ориентации на «акционизм» (признание активной роли разнообразных субъектов; модернизация трактуется как результирующая многочисленных деятельностей, практик, стратегий, конфликтов, противостояний, альянсов и т.д.), «историзм» (обусловленность действий акторов их историческим социальным опытом; многолинейность, альтернативность и циклизм, как следствие пересечения в исторической реальности разнообразных интересов, практик, преобразовательных проектов и стратегий), историческую конкретность (дифференциация акторов; анализ не только социальных категорий, сообществ, но и индивидуальных агентов).

Подводя итоги, отметим, что ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории

российских модернизаций уже нашел отражение в опубликованных трудах. При этом теоретико-методологическое обновление, поиск новых теоретических подходов и моделей всегда выступали важнейшим фактором расширения горизонта тематических исследований российских модернизаций, выбора новых сюжетов, переосмысления уже полученных результатов в рамках уральской академической школы историков. Опираясь на современные версии модернизационной парадигмы, уральские ученые охарактеризовали основные волны и закономерности российских модернизаций на протяжении XVIII–XX вв. на страновом и региональном уровнях; впервые в отечественной историографии поставили проблему взаимодействия модернизации и региональной динамики, создали для ее разработки собственную оригинальную конкретно-проблемную методологию; идентифицировали универсальные и цивилизационно-специфические параметры российских модернизаций, выявили механизмы воздействия базовых параметров российской цивилизации на темпы и характер модернизации, определили соотношение эволюционных и революционных механизмов на разных стадиях модернизации в России; сформулировали оригинальную концепцию фронтальной модернизации, которая объясняет своеобразие модернизационных процессов в условиях незавершенного освоения территорий. Разработанный представителями уральской академической школы историков многоуровневый подход дал возможность по-новому взглянуть на модернизационные процессы в России, обратиться к аспектам восприятия данных процессов различными социокультурными группами, к реальным механизмам функционирования институтов. На сегодня наиболее полно раскрыты темы цивилизационно-модернизационной динамики России, механизмов и моделей модернизации. Однако, проблема акторов российских модернизаций, ее агентов и проводников в страновом, региональном и локальном измерениях еще не являлась предметом комплексного и углубленного изучения и теоретико-методологической рефлексии. Между тем, без ее освоения невозможно понимание фундаментальных особенностей российского пути развития.

Литература:

1. Алексеев В.В. Уральская академическая школа историков (к 25-летию основания) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 4–15.

2. Алексеев В.В. Уральская школа историков // Место России в Европе и Азии: сб. ст. М.; Будапешт, 2010. С. 7—16.
3. Алексеев В.В. Трансформация Российской цивилизации в XX веке // Историческая уралистика и русистика. Будапешт, 2010. С. 191—228.
4. Алексеев В.В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 4—14.
5. Алексеев В.В. Россия как цивилизационный тип // Цивилизационное своеобразие российских цивилизаций XVIII—XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011. С. 59—95.
6. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург-Лувен: Ин-т истории и археологии УрО РАН; Урал. гуманитар. ин-т, 1997.
7. Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Сб. научн. статей. Екатеринбург, 1998. С. 8—32.
8. Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5—6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С. 8—49.
9. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007.
10. Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН, 2011;
11. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX веке: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 4—14.
12. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X – XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 607—620.
13. Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В. Техно-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII—XVIII вв. Екатеринбург: БКИ, 2011.
14. Опыт российских модернизаций XVIII—XX века / Отв. ред. В.В. Алексеев. М.: Наука, 2000.
15. Опыт российских модернизаций XVIII—XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов / Рук. проекта В.В. Алексеев. Екатеринбург: БКИ, 2011.
16. Побережников И.В. Модернизационная перспектива: теоретико-методологические и дисциплинарные подходы // Третьи Уральские историко-педагогические чтения / под ред. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург: УрГПУ, 1999. С. 16—25.

17. Побережников И.В. Модернизация: определение понятия, параметры и критерии // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX—XXI столетия. Четвертые всероссийские историко-педагогические чтения / под ред. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург, 2000. С. 105—121.
18. Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2001. С. 217—246.
19. Побережников И.В. Пространственные аспекты развития: теоретико-методологические проблемы // Историческое пространство России: инерция и трансформация: Материалы Всероссийской научной конференции (12 мая 2003 г.). Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2003. С. 20—27.
20. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.
21. Побережников И.В. Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 июля 2009 г. Екатеринбург: БКИ, 2009. С. 55—65.
22. Побережников И.В. Урал в XVIII—XIX вв. (пример фронтальной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. / Екатеринбург, 27—28 мая 2010 г. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2010. С. 308—310;
23. Побережников И.В. Линеарность VS многовекторность: реконцептуализация модернизаций // Цивилизация. Модернизация. Идентичность: материалы международного научного симпозиума (Москва, 27—28 ноября 2012 г.). М.: Издательский дом МЭИ, 2012. С. 42—52.
24. Побережников И.В. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Новый хронограф, 2013. С. 246—274.
25. Побережников И.В. Акторы российской имперской модернизации: постановка проблемы // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. XII Всероссийская научная конференция. Материалы. Екатеринбург, 4—5 декабря 2014 г.: в 2-х т. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2014. Т. 1. С. 31—41.
26. Роль эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Е.В. Алексева. Екатеринбург, 2014.

27. Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации / Отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: УрО РАН, 2006.
28. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
29. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2—3 июля 2009 г. / отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; БКИ, 2009.
30. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / под ред. В.В. Алексева. Екатеринбург: УрО РАН, 2011.
31. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.
32. Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London, 1965.
33. Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966.
34. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.